

— Они опять прислали мне эти бутылки, пропади они пропадом! — капитан Ярвинен был вне себя от ярости.— Нумми, передайте им в штаб, что этих бутылок мало. У меня нет столько людей, чтобы бутылками останавливать танки! Если эти кретины не понимают, что такое танк, русский танк, то мы им с удовольствием покажем! Скажу больше, эти придурки могут залезть в окопы и попытаться зажечь танк, если, конечно, раньше их не сразят советские пули.

— Господин капитан, вы же знаете, что они делают все возможное.

— Они делают? Делаем здесь мы, Нумми! Мы делаем невозможное! У нас нет ни одного, ни одного, противотанкового ружья! Артиллерия отвечает на атаки русских реже, чем моя пехота.

— Вчера мы их здорово потрепали, этих русских.

— Нумми, не зли меня! Вчера, вчера! Мы недосчитались семи человек. Даже не знаю, где их тела, а русские потеряли всего один танк. Мне известно, что коктейль Молотова — хорошая штука. Но придет тот день, когда нас взбудрят авиацией, потом будут бить прямой наводкой, затем отутюжат танками. Тогда ты или кто там останется в живых сможет последний раз швырнуть этот коктейль в советский танк и сдохнуть на позициях!

Ярвинен сделал себе кофе.

— Будешь? — бросил он Нумми.

— Да, пожалуй, можно.

Ярвинен налил подчиненному кофе. Нумми потянулся за кружкой.

— Постой, не переводи напиток, — капитан достал из внутреннего кармана полшубка плоскую флягу.— Водка и кофе. Хорошо хоть с этим пока проблем нет, это наши союзники.

Раздался оглушительный грохот. Нумми повалился на пол. Ярвинен почувствовал, как закружилась голова, схватился за спинку стула и посмотрел по сторонам. Комната была цела, однако Ярвинену казалось, что хороший боксер пробил ловкий хук. У Нумми из ушей текла кровь.

Капитан бросился к совсем еще юному солдату: «Набрали мальчишек».

— Вставай, очнись, — Ярвинен смочил водкой носовой платок и приложил к лицу парня.

Нумми открыл глаза.

— Мы живы? — едва прошептал он.

— Да, живы! И, к сожалению, ты не в раю, а там снаружи сейчас настоящий ад, лежи на полу, не вставай. Пойду и посмотрю, как там остальные.

Прозвучал еще один разрыв снаряда.

— Советская артиллерия — это молния.

— Почему?

— Никогда дважды не бьет в одно место. Скоро они опять пойдут в атаку.

Снаряды рвались вокруг ДОТа, однако уже попаданий не было. Финские солдаты укрылись в казематах.

— Мы, словно звери, прячемся в этих норах. Когда уже это прекратится!

Кто-то просто лежал на полу и смотрел в потолок. После того, как закончится обстрел, начнется затишье, а дальше самое страшное для тех, кто укрывался за стенами ДОТов, и тех, кто пойдет в наступление.

Канонада длилась минут пятнадцать. Потом артиллерия смолкла.

— Все, ребята, готовьтесь,— защелкали затворы винтовок и автоматов.

— Рахья, ваш «Бофорс» еще на что-нибудь способен?

— Конечно, только снарядов маловато.

— Это нормально, главное, чтобы не разнесли амбразуру. Надеюсь, пулеметчики на флангах еще живы. Будьте готовы, скоро пойдут.

— Кто на линии?

— Те, кто не был в прошлый раз. Возражений нет?

Возражений не последовало, два десятка бойцов готовились выйти на мороз и встретить противника, как только он пойдет в атаку.

— Не жалейте «выпивки»! Русские это любят. Бутылок у нас хватает!

Нервное напряжение возрастало с каждой секундой. Как говорили те, кто выжил после боев, обычно страшно до того, как все начнется, и после того, когда закончится. В бою не столько поражает страх, сколько шок. Даже раненые порой не чувствуют боли. Однако атаки не было.

«Что они задумали?» — задавался вопросом Ярвинен, рассматривая в бинокль, как солдаты противника, не торопясь, выходят на позиции, но не идут в атаку, что обычно бывало после артподготовки.

— Чего ждем? Вроде пора? — спросил молоденький красноармеец, глядя на товарищей.

— Пора, так иди,— зло ответили вновь прибывшему лейтенанту.— Вчера командующий сам здесь был, теперь будем учиться идти за огненным валом, по старым методикам.

— Какие еще методики? Танки сейчас пойдут!

— Лейтенант Старовойтов,— рявкнул внезапно появившийся комбат,— не пугайте людей, ждите команды.

Роты вышли на позиции. Раздался рев машин, восемь танков Т-26 должны были поддержать пехоту. Подползал еще один Т-26.

— Этот куда? Ему что — пушку обрезали, недоделанный какой-то? — раздался нервный смешок по рядам.

— Сам ты недоделанный! Это химический танк, с огнеметом.

Шутник уважительно замолчал.

— Будем чухонцев согреть! — выкрикнули из строя.

— Если сами раньше не согреемся,— прозвучало в ответ.

— Все как обычно, а мы переживали. Русские готовятся к атаке, бежать-то им никак. Снег нам в помощь. Гости уже идут,— зло сказал Ярвинен.

Красноармейцы медленно двинулись вперед. Финны выходили из ДОТов и занимали места в окопах.

— Ну же, парни, давай,— прошептал Тиммонен, глядя на едва плетущихся советских бойцов.— До чего неторопливые! Так мы вас уложим раньше времени.

Грохот разразил морозное небо. Тиммонена буквально снесло взрывом. Советские пушки и гаубицы вновь начали работать по позициям. Финны пытались распластаться по мерзлой земле на дне окопа. Артиллерия метала огонь, не жалея стали и пороха.

— Что это? — финны не сразу сообразили суть происходящего.

— Ничего нового — классика жанра. Немецкий прием: пехота следует за огненным валом, подходят как можно ближе, в идеале сто метров, а дальше — бросок. Сто метров — это не пятьсот и даже не триста. Надеюсь, снег нас еще выручит. Бежать они не смогут.

— У них сменили командование?

— Похоже на то. Ребята, эта атака будет другой,— закачал головой Ярвинен.— Так просто сегодня мы не отделаемся. Ласси, запрашивай поддержку артиллерии. Пусть бьют ближе к нашим позициям.

Финская оборона стала «огрызаться» редкими ружейными выстрелами и короткими очередями в тот момент, когда можно было видеть атакующих.

Советская пехота шла за танками, кто-то пытался прикрываться бронешитками, с флангов неуклюже двигались советские лыжники. Финская артиллерия иногда бросала огонь в советские цепи, но ее мощи было недостаточно.

Красноармеец позади атакующих взмахнул красными флажками и скрестил два раза руки над головой. Артиллерия с советской стороны прекратила огонь. Развернулся бой в непосредственной близости от финских позиций. С максимальной интенсивностью заработали пулеметы, автоматы, винтовки. Красная пехота не спешила к финнам, уступая это право стальным машинам.

T-26 лихо шел на финские укрепления, но шведский «Бофорс» остановил это движение. Танк встал на месте, видимо, попали в гусеницу. Машины позади остановились, словно выбирая цель, но цели не было. Первый танк ошестинился пулеметными очередями туда, где были малейшие признаки жизни. Последовал выстрел из орудия в блиндаж. «Бофорс» сделал пару выстрелов, пробив башню боевой машины.

Танки стали отчаянно вести пулеметный огонь.

Откинулась крышка люка, показался танкист. Едва он вылез, как тут же был сражен автоматной очередью. Второй танкист каким-то чудом вылетел из башни и буквально нырнул в снег.

— Вроде Мишаня живой! Ребята, не ждем пехоту, отбить его надо! — орал командир экипажа.

— Пушка моя, сейчас накрою!

Однако жизнь второго танкиста продлилась лишь на мгновение дольше. Сразу несколько финских солдат взяли его на прицел. Тщетно! Красноармейцы вели огонь прикрытия. Танки были грозой финнов и вызывали куда больше злобы и ненависти, чем простые советские пехотинцы. Танк справа развернул орудие и сделал несколько выстрелов в сторону «Бофорса». Пушка ответила, но снаряды вошли в снег. Танки продолжили движение, пехота следовала за ними.

— У нас там что? Уже живых нет? Где фланги? — ругался Ярвинен.

Финские окопы и ДЗОТы стали оживать, пулеметы старались отсечь пехоту от танков.

Красноармейцы вели огонь по укреплениям и блиндажам, но толку от такой стрельбы было немного. В сторону «Бофорса» пошли еще три танка.

Одна машина наскочила на каменный надолб и остановилась, затем попыталась его объехать, свернув влево. Звук разбивающегося стекла никто не слышал, но все увидели, как вместо танка появился огромный факел. Экипаж пытался покинуть го-

рящую машину, но было поздно. Как только открылся люк и едва показался первый танкист, еще одна бутылка достигла цели. И все же танкисты предпочитали спастись, нежели плавиться в груде железа. В людей, объятых адским пламенем, никто не стрелял. Два оставшихся танка вели огонь по ДОТу, где была пушка.

— Давай, давай, иначе они нас завалят огнем!

«Бофорс» открыл огонь по одному из танков, выстрелы прошли гусеницы, а потом и башню. Экипаж погиб вместе с танком.

— Смотри, еще один, скорее разворачивай!

— Что за танк? Не стреляет, у него только пулемет,— Карл удивленно наблюдал за танком с коротким стволом.

Машина резко изменила траекторию и двигалась под углом так, что выстрелить могла либо в стену ДОТа, либо наискосок параллельно амбразуре, но никак не прямой наводкой. Где-то за сорок метров танк остановился. Из короткого ствола вырвалось пламя, потом еще и еще.

— Огнемет!

Легкий химический танк ХТ-26 не стрелял обычными снарядами и не разрушал мощные укрепления. Он выжигал живую силу противника огнесмесью мазута и керосина. В несколько секунд на людей обрушивалось больше двухсот литров огня. Расчет «Бофорса» сгорел за считанные секунды. ХТ-26 выстрелил по окопам, однако пламя растопило снег, а не людей. Танк дернулся и поехал дальше к позициям.

«Хоть кто-нибудь!» — взмолился Ярвинен.

Танк угодил в яму. Это было небольшое отверстие в скальной породе, выдолбленное сильными руками финских рабочих или любезно «предоставленное» природой Финляндии как раз на этот случай. Советские пехотинцы и танки открыли огонь по направлению движения танка, чтобы избежать случайностей.

Мотор танка стал работать сильнее, потом взревел как раненый зверь, заскрежетали гусеницы, металл соревновался с камнем. Машина шла быстро и попала в эту ловушку, а выехать из нее уже не могла. Теперь нужно было отстреливаться. Слишком страшная участь ждала огнеметчиков, если они окажутся в плену. Оставались еще варианты: замерзнуть в стальной капсуле, отведать коктейль Молотова или быть застреленными.

Бой превратился в перестрелку. Финны не шли в контратаку, ведь это было бы самоубийством, учитывая, что перед ними танки, а красноармейцы уже исчерпали свой запал, тем более что впереди их ждал убийственный огонь из всех щелей финских укреплений.

Стороны ждали ночи или подкрепления. С наступлением темноты советская пехота стала отходить назад. Две машины развернулись и стали по обеим сторонам от попавшего в ловушку танка. Третий танк сманеврировал и задом почти вплотную подошел к ХТ-26.

Танки открыли буквально ураганный огонь в сторону финских позиций. Русские решили, что можно поторговаться с судьбой и выкупить своих товарищей. Под огнем прикрытия и опускавшейся темноты танк взяли на буксир и потащили к своим позициям. В темноте машина более уязвима, чем человек.

Тимо и Юрье очень хотели сжечь ненавистный огнеметный танк. Однако ближе был танк прикрытия. Когда машины уже начали обратный ход, один из танков вспыхнул мощным факелом. Коктейль Молотова — это всего лишь пол-литровая бутылка со смесью денатурата, керосина и дегтя, но при удачном попадании в воздухозаборник танка пламя затягивается внутрь, и двигатель быстро загорается. Однако у экипажа при определенной сноровке и ловкости есть шанс спастись.

Измученные боем люди по обе стороны огня ужасно хотели спать. Только спать! Завтрашний день обещал быть таким же.

Капитан Ярвинен не спал, у него было предчувствие, что финнам осталось недолго. Силы таяли с каждым днем, людей катастрофически не хватало, патроны и гранаты приходилось экономить. Если «Бофорс» и можно было отремонтировать, то лишь после того, как закончится война. Следующую танковую атаку придется отражать в ручном режиме. В два часа ночи Ярвинен, преодолев нервное напряжение, уснул: до семи утра можно еще спать и спать, целых пять часов. Целая вечность!

* * *

— Тихо! Давай сюда! — красноармеец устанавливал взрывчатку.

— Лепи уже быстрее горбатого к стенке.

— Уходить надо!

— Сейчас еще одну...

В ночной тишине послышался скрип, бойцы застыли.

— Mitä siellä on*?

— Jälleen nämä boobies**!

— Уходим! — прошипел один из бойцов.

— А взрывчатка? Тут не вся.

— Оставь! Еще успеем!

Бойцы стали выбираться по снегу. Вновь послышались финские голоса.

— Зажигай!

Чиркнула зажигалка. Огонек змейкой пополз по бикфордовому шнуру. Хотелось лететь, но по снегу можно было только идти. По следам красноармейцы вышли к лыжам, не глядя, воткнули ноги в крепления и мигом помчались к своим позициям. Раздался взрыв. Секунд через десять ночное небо осветили сигнальными ракетами. Послышались автоматные очереди.

— Слабовато! Взрывчатки больше давали. Чего это они так?

— В следующий раз пойдешь и поставишь! Не последний день воюем,— кто-то из красноармейцев возразил «специалисту».

— Артиллерия, огонь! — невозмутимо сказал один из командиров.

По финским позициям начали вести обстрел.

— Егоров, Шамсудиев! К танкистам!

По команде заработали пулеметы из танков.

В эти минуты обессиленные «маршем выживания» красноармейцы, обливаясь потом, неслись к спасительным окопам, чтобы не стать мишенью для финских стрелков.

— Быстрее, быстрее! Нас прикрывают!

— Бегут, бегут! Еще чуть-чуть!

— Давай, давай, ребята! — переживали бойцы за своих товарищей, которые бежали наперегонки со смертью.

Время как будто перестало существовать.

Все трое лежали на снегу, пытаясь отдышаться.

— В палатку их! Поднимаем!

— Не студишь, не студишь!

Троих смельчаков отвели в теплое место. Пол в палатке был устелен лапником.

— Пока не околели, наденьте сухое и выпейте чаю.

Только сейчас к бойцам стали возвращаться нормальные человеческие ощущения. Еще пять минут назад хотелось раздеться, выпить ведро холодной воды, упасть

* Что там? (фин.).

** Опять эти болваны! (фин.).

на землю и просто дышать... Настолько сильной оказалась физическая и психологическая нагрузка! На улице между тем было минус двадцать пять.

* * *

Финские солдаты столпились вокруг укрепления.

— Лори, Нико, вы живы? — взмолился Ласси.

— Да живы мы, живы!

— А Оскар?

— Живой ваш Оскар! Куда он денется! — выругались в ДЗОТе.

— Все нормально, живы они.

— Как нам их оттуда вытащить? Вход завалило.

Ярвинен обошел несколько раз вокруг ДЗОТа.

— Огня не зажигайте, иначе нас накроют.

Финны стали разбирать завал. Но ручной силы оказалось недостаточно, чтобы сдвинуть бетонную глыбу, из-за взрыва загородившую выход из ДЗОТа.

— Сидят как в пещере. Надо взорвать вход.

Ярвинен удивленно посмотрел на молодого фенриха.

— Реймо, ты с ума сошел или в тебя угодила русская снаряд?

— В чем дело, господин капитан? Другого выхода нет.

— Выход есть, — ответил мужчина и отправился в большой ДОТ.

Ярвинен вернулся, неся стальные тросы.

— Будем вытаскивать парней с того света на этот.

Вокруг самой большой глыбы обмотали тросы. С каждого конца трос держали по три солдата, готовых надрывать собственные мышцы, чтобы вытащить своих братьев по оружию.

— Раз, два, три, давай! — командовал Ярвинен.

Но глыба едва приходила в движение. Слабых здесь не было, но и геркулесами этих людей не назовешь.

— Ласси, хватай лом и поддень ее, — командовал Ярвинен. — Торо, отдохни, — схватил он трос.

— Готовы? Раз, два, три! Жми! — Ярвинен увидел кровь на ладонях.

Глыба поддалась и упала на снег. Дальше расчистить вход было делом техники.

Ярвинен посмотрел по сторонам. Кто-то совершил очень большую ошибку, думая, что дневной атакой дело ограничится. Из-за этого чуть не поплатились жизнью трое солдат, оказалась полуразрушенной огневая точка.

— Исмо! Где этот идиот? Всыплю ему как следует, — у Ярвинена чесались руки.

— Исмо, где он прячется? Ведите сюда этого болвана!

Действительно, Исмо нигде не было. В суматохе ночной стрельбы о нем и не вспомнили.

— Исмо должен был быть в ДЗОТе. Или он был в охранении?

— Наверное, его взяли в плен: русские ушли вместе с Исмо.

Ласси стал обходить окоп, ходы и все «норы».

— Иис-мо-о, Иис-мо-о!

— Как он дал русским утащить себя?

— Эй, сюда, смотрите!

Невысокий финский солдат лежал лицом вниз. Ласси схватил его за воротник и развернул к себе. Исмо уже не дышал. Советские разведчики, видимо, действовали только природной силой мускулов, не применяя никаких средств, придуманных людьми для истребления друг друга. Солдаты стояли молча. На месте Исмо мог оказаться каждый. Мороз, бессонные ночи, изнурительные бои... Может быть, бедняга

просто вздремнул всего лишь на несколько минут, а уснул навсегда. Ярвинен вспомнил, что подобные ночные рейды проделывала и его группа, когда хватало сил и люди не были измотаны каждодневными штурмами.

— Похоже, русские решили показать когти,— тихо сказал один из офицеров.

— Будем их выдергивать, когти-то.

— Часовые, сменщики, все по своим местам! Суло, Лиянен, Беккер, идете со мной! Вопросы есть?

Три солдата последовали за капитаном — предстоял серьезный инструктаж.

* * *

К девяти утра танки и артиллерийский расчет были готовы. Однако для выполнения задания командир полка попросил лишь один. Орудие прицепили к танку и буксиром поволокли к финским позициям. Вторым рейсом танк должен был взять бронесани и отбуксировать снаряды. Бойцы-артиллеристы шли пешком, идти предстояло недалеко. Расчет прост: ДОТам и ДЗОТам противника досаждала советская артиллерия, однако разрушить укрепления не удавалось. Сначала были трудности с попаданием, а потом выяснилось, что даже редкие удачные выстрелы не страшны финскому бетону. Требовался больший калибр, но 203-миллиметровых орудий пока еще не было, не говоря уже о системе Бр-5 с mortarой калибром 280 миллиметров. Оставалась полковая артиллерия МЛ-20 калибра 152 миллиметра. Решили попробовать бить по укреплениям с открытых позиций и максимально близкого расстояния. Затея, разумеется, была отчаянная, однако предыдущие попытки уничтожить ненавистные ДОТы и ДЗОТы пока успеха не имели, а каждый штурм дорого обошелся советской пехоте и танкам.

Орудие расположили почти в километре от финских позиций. Артиллеристы отцепили пушку с буксира и начали устанавливать лафет. Лейтенант Краснов торопил бойцов, хотелось как можно быстрее расстрелять весь боезапас и вернуться обратно на свои позиции. Конечно, стрелять нужно грамотно и четко, чтобы достичь результата, но собственная жизнь была дороже.

* * *

Беккер чувствовал тепло оленьей шкуры. Костюмчик, сделанный еще лет пять назад, когда Беккер охотился в провинции Северное Саво, сидел отлично. Иногда приходилось лежать несколько часов подряд в снегу, на морозе. Тогда ему и смастерили такой «кафтан», а уже поверх были надеты белые штаны, белая куртка, белая шапка-маска: видны только глаза из прорезей, за что Беккера прозвали «белым медведем». Оптикой он не пользовался, блеск линз прицела мог выдать его противнику.

Едва рассвело, как Беккер уже занял место в сугробе недалеко от русских позиций. На его счету уже были многие десятки жизней бойцов и командиров Красной Армии. Сейчас он не спешил увеличивать их число. Ярвинен поставил задачу контролировать русские позиции на тот случай, если опять начнутся «фокусы». Когда на переднем крае показалась пушка, Беккер, находясь в центре, знал, что делать. Бойцы устанавливали пушку в сторону финнов.

«Стрелять еще рано, они двигаются и частично защищены броней. Однако с минуту проморгаешь — и будет поздно»,— Беккер взял на прицел одного из бойцов и мысленно представил себе, кто будет вторым.

Два выстрела он успеет сделать. Возможно, потом враги упадут в снег, укроются за броней пушки или прижмутся к танку.

«Не первый раз»,— подумал Беккер и плавно нажал на курок.

Вдалеке человек упал в снег, пуля попала ему в голову — охотник-любитель редко промахивался. Следующий выстрел был хуже: второго бойца лишь слегка зацепило. Русские упали в снег, но никто не думал бежать. Танк зарычал и развернулся, прикрывая насколько возможно артиллерийский расчет с фронта.

«Можно попытаться еще, но позже»,— решил Беккер.

Бойцы суетились у орудия. Танк хотя бы мешал снайперам вести прицельный огонь. Прозвучало еще несколько выстрелов. Суло и Мяккинен, бывшие егеря, отличные охотники, волею судьбы ставшие снайперами, били с флангов. Число красноармейцев убавилось еще на двоих человек, однако артиллерийский расчет, состоящий уже из семи бойцов, мог открыть огонь.

Тактика стрелков была известной: иногда снайперы использовали «квадрат», то есть прятались в снегу с четырех сторон, тщательно маскировались и ожидали атаки. При этом иногда двое оказывались почти в тылу наступающих. Но после ночного рейда русских Ярвинен велел, чтобы снайперы не уходили далеко от своих позиций.

Танк теперь стоял справа от пушки, как бы защищая фланг. Снайперы уже меняли позиции. Прозвучал первый выстрел из орудия, затем второй, третий — артиллеристы спешили, пока сами не попали под огонь. Снаряды рвались на укреплениях. ДОТы и ДЗОТы после пристрелки могли стать отличной мишенью.

— Бетонобойными! Огонь! — кричал лейтенант Краснов.

Там, где была опорная пулеметная точка финнов, взлетали комья земли и снега. То, что вчера не смогли сделать русские разведчики, сегодня уверенно крушили артиллеристы сорокакилограммовыми снарядами.

«Танк у них — это плохо»,— вздохнул Мяккинен и стал думать, где ему лучше занять позицию для стрельбы.

«Вот теперь я вас снова вижу»,— Беккер быстро выбирал цель.

Винтовочных выстрелов никто сейчас не слышал. Расчет у пушки уменьшился еще на одного человека.

— Так они нас сейчас всех выбьют, товарищ лейтенант. Спрятаться бы надо.

— Потом нашим в атаку идти. Пехота пусть погибает, что ли?

— Никак нет, товарищ лейтенант, виноват. Бить надо гниду казематную.

— К земле жмитесь! Лежа будем заряжать, ДОТ этот снесем к едрене фене,— ругался Краснов.

Суло выстрелил в наводчика. Красноармеец упал лицом на прицел — стреляли метко. Танк повернул башню, из пулемета стали прошивать сугробы, надеясь так достать снайпера.

Краснов занял место наводчика. В сторону ДОТа, расположенного против пехоты и танков, полетели снаряды.

— Есть! Кажется, здорово им врезали!

— Давай, заряжай, бетонобойный!

Здоровенная гильза вылетела из пушки, зашипев в снегу. Клацнул затвор — еще попадание.

— Осколочным сейчас попробуем! Давай!

Но снаряда никто не подал. Еще один раненый боец сел у бронесаней. Танк отчаянно полосовал снежный покров длинными и короткими очередями.

— Всем укрыться, больше не успеем!

Краснов лежал в снегу вместе с уцелевшими артиллеристами. Теперь нужно было ждать либо темноты, либо танков, и как-то под прикрытием уйти с этого пятачка смерти. Хотелось напоследок выстрелить химическим снарядом, стать невидимыми для снайперов. Но бить можно было по фронту, а стрелки держали фланги, причем и

правый, и левый. Однако насчет левого Краснов ошибался. Танкисты не жалели патронов, отчаянно простреливая сугробы. Финский солдат судорожно глотал морозный воздух, быстро теряя силы на морозе...

Остаток дня Ярвинен проводил за водкой и кофе. Один из опорных ДЗОТов перестал существовать. Теперь в них можно было прятаться отдельным пехотинцам. Но сдерживать пулеметным огнем цепи пехоты, не боясь танков и артиллерии, уже было невозможно. Стреляли с близкого расстояния, снаряды попадали в цель. Центральному ДОТу тоже досталось. Раненых предполагалось под покровом темноты перевести в тыл. Их оказалось всего трое. Тем, кто находился в ДЗОТе, медицинская помощь была уже ни к чему.

